

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(конец 1915—начало 1916 г.)

Финансово-экономические отношения царской России с нейтральной Америкой во время первой мировой войны¹ развивались в тесной связи с внутривнутриполитическим положением в России в военные годы, с отношениями между царизмом и буржуазией, внутренней борьбой в правительственных и буржуазных верхах по вопросу о войне, мире и внешнеполитической ориентации.

Вопрос о привлечении американского капитала в Россию, представлявший собой стержень всей системы русско-американских финансово-экономических отношений, оказывался в России частью более общего вопроса о роли иностранного капитала в послевоенной правительственной экономической политике, как представляли ее себе в царских ведомствах и в буржуазной среде.

Послевоенную экономическую политику царизма пытались себе представить и американские дельцы, надеясь использовать в интересах американского капитала покровительство царизма монополиям, которое они наблюдали во время войны и на продолжение которого рассчитывали после ее окончания.

Впрочем, в рассматриваемых здесь эпизодах с большой яркостью предстает перед нами и другая сторона отношений царизма и монополий, характерная для развития государственно-монополистического капитализма в России. Даже в затруднительных, почти кризисных обстоятельствах военного времени российское финансовое ведомство продолжало рассматривать крупнейшие банковские монополии России чуть ли не как подчиненные ему органы и соответственно этому пыталось строить свою политику. Естественно, что это отражалось и на отношении царизма к связанным с Россией иностранным монополиям, весьма осложняя процесс усиления зависимости царизма от иностранного капитала во время первой мировой войны.

¹ Периоду войны уделено значительное место в недавно вышедшей работе В. В. Лебедева «Русско-американские экономические отношения» (М., 1964).

В ноябре 1915 г. в США под эгидой Нэйшнл сити бэнк, одного из крупнейших по тем временам американских банков, была образована Американская международная корпорация — учреждение, во многих отношениях любопытное и примечательное. Корпорация являла собой пример монополистического объединения, созданного крупнейшими промышленными и банковскими монополиями США со специальной целью — иметь в ее лице орудие экспансии за рубежом. В этом смысле Американская международная корпорация была, по замыслу ее учредителей, до некоторой степени аналогична созданной в США в 1890-х годах Чайна дивелопмент компани (China development company). В российской практике этому соответствовало созданное в Москве в 1909 г. «Русское экспортное товарищество», в котором принимало участие свыше 40 крупнейших мануфактурных предприятий.²

Американская международная корпорация отличалась от них разве только степенью зависимости от патронирующего общества: ее зависимость от Нэйшнл сити бэнк и его руководителя Ф. Вандерлипа была почти полной. Среди ее учредителей наиболее значительную роль играла группа компаний, в правлениях которых Вандерлип в том или ином качестве фигурировал собственной персоной.

Почти одновременно с организацией этой корпорации, недели за две до ее официального утверждения, Вандерлип обеспечил себе контроль над существовавшей в США Международной банковской корпорацией (International banking corporation), которая занималась финансовыми операциями в странах тихоокеанского бассейна.³ Но Россия, по планам Вандерлипа, в сферу влияния Международной банковской корпорации не входила. Иначе обстояло дело с Американской международной корпорацией.

То обстоятельство, что именно Россия рассматривалась организаторами этого монополистического объединения как главный объект его деятельности, сразу же нашло свое отражение в печати. В таком духе писали об Американской международной корпорации различные американские газеты, «Вестник Русско-американской торговой палаты» и даже такой посторонний, казалось бы, этому делу, но очень осведомленный в вопросах нейтральной торговли военной поры орган, как шведский журнал «Svensk Export», который расценивал образование корпорации, созданной «для развития внешней торговли Америки, особенно

² Всеподданнейший доклад министра торговли и промышленности «О мерах развития торговых сношений с Ближним Востоком». Одобрен 8 марта 1910 г. ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 65, л. 35.

³ ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 67.

с Россией», как появление «нового и могущественного фактора в мировой торговле».⁴

В русских правительственных кругах образование корпорации было поставлено в связь с общими экономическими планами, которые были у царизма в этот период, а в них расчет на привлечение американского капитала занимал определенное место.

Агент Министерства торговли и промышленности в США Медзыховский 12/25 ноября 1915 г. составил об учреждении корпорации специальное донесение министру торговли и промышленности В. Н. Шаховскому.⁵ В нем он ставил вопрос о характере новой корпорации в самом широком плане, излагая свои соображения даже о внутриамериканских экономических причинах ее создания. Описывая положение американской промышленности, Медзыховский делил все промышленные предприятия США на три категории. К первой он относил предприятия западных штатов, которые оправились после кризиса начала века только за счет общего экономического подъема страны. Ко второй — предприятия восточных штатов, которые, обогатившись на военных заказах, стали тратить прибыли на расширение собственного производства и скупку более слабых предприятий. «Особый интерес для России» представляла, как считал Медзыховский, третья категория предприятий — «предприятия консервативного направления», которые произвели накопление средств, не расширяя в значительных размерах своего производства.

«Жесточайший кризис», которого Медзыховский, «вопреки настойчивым утверждениям американских экономистов», ждал «с заключением европейского мира для американской промышленности», должен был, по его расчету, для предприятий третьей категории оказаться наименее губительным. «Обладая запасом накопленного золота», они, с его точки зрения, в случае кризиса перепроизводства в США всегда могли бы «без напряжения довести до минимума свое производство в Америке» и «перенести свою деятельность за границу». Там, за границей, Медзыховский видел два основных объекта приложения «американских промышленных капиталов» — Южную Америку и Россию, из коих «первенство» считал он, имеет для американцев Россия. Мотивировал он это тем, что «капиталы, помещенные в России, будут иметь для вкладчиков исключительно коммерческое значение, в то время как с помещением капиталов в Южной Америке связаны чрезвычайно сложные политические вопросы».

Здесь Медзыховский вступал уже в сферу российских внутриполитических дел, касаясь вопроса об отношении в России к иностранному капиталу и к различным его национальным разновид-

⁴ Перевод из журнала «Svensk Export», № 544, январь 1916 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 23, д. 1189, лл. 168—169.

⁵ ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 227, лл. 24—25.

ностям. Отразившийся в словах Медзыховского взгляд на проблему привлечения американского капитала в Россию был характерен для тех, кто стоял за предпочтение именно американцев. Этот взгляд определялся не только традиционной точкой зрения русских правительственных сфер, согласно которой американский капитал в России — в отличие от германского, англо-французского и даже самого американского в других странах — не имел перед собой политических целей, но и уверенностью в том, что для инвесторов прочность социального строя и политического режима в стране, ставшей объектом приложения капитала, значительно важнее возможностей установления в ней политического влияния собственной страны. А в прочности царизма Медзыховский не мог усомниться, даже если бы он этого и хотел!

«Вот в этот момент самых разноречивых предположений о будущности американской промышленности по восстановлении европейского мира возникает Американская международная корпорация. Явление в высшей степени симптоматическое как в отношении приближающегося мирного времени и предчувствуемого промышленного кризиса, так же точно в отношении изыскания средств и путей к размещению огромного золотого запаса, наконченного (если не награбленного) за время войны», — не без язвительности по американскому адресу писал Медзыховский. «Характерным является тот факт, что в комментариях к уставу корпорации красной нитью проходит огромный интерес к России», — продолжал он с удовлетворением.

Но тут-то и возникало противоречие между намерениями создателей корпорации и тем, чего хотели бы от нее в правящих кругах России. Хотя устав корпорации на первый план выдвигал именно «размещение капитала за границей», которое соответствовало планам русской стороны, Медзыховский считал это «лишь флагом», а подлинную «основную цель этой организации, в которую вошли главнейшие американские банки», он видел «в спасении от краха промышленных предприятий второй категории, с коими названные банки органически связаны». Речи о вывозе капиталов тут уже быть не могло. В отличие от любезных Медзыховскому предприятий третьей категории, эти предприятия располагали не резервами капитала, а недавно расширенными производственными мощностями и нуждались в товарном экспорте. «Иными словами, — писал Медзыховский, — *основная деятельность корпорации будет направлена* главным образом к завоеванию *русского рынка*⁶ путем одного лишь ввоза изделий тех промышленных предприятий, перепроизводство коих после заключения мира потребует иностранных рынков сбыта». Между

⁶ Курсивом выделены слова, подчеркнутые карандашом в известной нам копии донесения.

тем в расчетах русской стороны приток американского капитала как раз и должен был использоваться для промышленного строительства и сокращения благодаря этому в будущем ввоза промышленных изделий. Такова была если не официальная, то преобладающая в официальных кругах точка зрения на этот вопрос, которой соответствовала программа действий, предложенная Медзыховским в связи с созданием Американской международной корпорации.

Он предлагал «противопоставить» американскому товарному экспорту «охранительные и даже *запретительные таможенные тарифы*».⁷ «При этом последнем условии, — писал он, — американские капиталы не найдут применения для поддержки искусственно созданных предприятий и направятся в Россию, причем подобная политика привлечет не только капитал, принадлежащий консервативным предприятиям третьей категории, но и частный капитал, который не найдет выгодного применения в собственной стране».

Каких-либо других документов, которые повлекло бы за собой донесение Медзыховского, мы не нашли ни в специальном деле под названием «Об учреждении Американской международной корпорации в Нью-Йорке», в котором оно само (в копии) содержится, ни в других делах.⁸ Тем не менее нам представляется возможным утверждать, что программа Медзыховского весьма точно отражала точку зрения заинтересованных петербургских ведомств. В своем месте мы покажем, что в письмах из Петербурга в Америку представитель Нэйшил сити бэнк Мезерв развивал соображения, сводившиеся к тому, что в России очень заинтересованы в притоке американского капитала, возможности же ввоза в Россию промышленных изделий будут после войны закрыты. Следовательно, рассуждал он, если США не желают вообще потерять «русский бизнес», нужно приступить к капиталовложениям в русскую экономику. Поскольку письма Мезерва в этом смысле совершенно соответствовали программе Медзыховского, а писалась они на основании бесед с чинами кредитной канцелярии и другими представителями петербургских официальных кругов, остается допустить, что предложенная Медзыховским программа либо превратилась в официальную точку зрения, пройдя через министерский и межминистерский конвейер, либо заранее отвечала этой точке зрения. Нельзя при этом не отметить, что русские собеседники Мезерва весьма успешно использо-

⁷ Курсив — подчеркнутое карандашом. На полях против подчеркнутого знака вопроса и восклицания.

⁸ Известно лишь, что Сазонов проявил к донесению Медзыховского, присланному из Министерства торговли и промышленности в Министерство иностранных дел, специальный интерес, пометив на сопроводительном письме: «Пр[ошу] вернуть мне» (АВПР, ф. 11 Д-т 1—5, 1916 г., д. 5, л. 1).

вали его как рупор для сообщения в Америку выгодных им взглядов, которые он передавал туда как свои собственные.

Как бы то ни было, сейчас же после создания Американской международной корпорации прежняя русская правительственная политика привлечения американского капитала была публично подтверждена в Америке — и в весьма сильной форме. Это было сделано в речи товарища председателя Русско-Американской торговой палаты А. В. Бера 6 декабря 1915 г. (п. ст.) при открытии в Нью-Йорке конференции по международной торговле, организованной Национальной ассоциацией промышленников. В своей речи Бер, человек одинаково близкий и к деловым, и к официальным кругам, призывал американских капиталистов в Россию, обещая им, что «при квалифицированной первоклассной рабочей силе, которая может быть нанята за 25% той цены, которую платят в Америке, при неистощимых запасах всех видов сырья, угля и водяной силы» они «не могут не получить великолепного вознаграждения».⁹ Распинаясь перед своими слушателями, Бер приводил и такой аргумент, который обычно применялся в России для «внутреннего употребления», а в Америке совершенно не имел смысла и мог даже обернуться своей противоположностью. «Когда американские доллары идут в Россию для инвестирования, они не несут на себе политического пятна. Америка — единственная в мире страна, откуда Россия может ждать капитала, не имеющего под собой какой-нибудь политической подкладки», — внушал Бер собранию финансовых хозяев Америки, потеряв чувство места.¹⁰

Но и в этой речи, вопреки ее общему тону, все же прозвучала фраза о том, что от американцев в России ждут развертывания производства таких товаров, которые сейчас «приходится ввозить из Америки и других стран».¹¹ Так одна из главных мыслей донесения Медзыховского в Петербург оказалась почти сейчас же произнесенной вслух в Нью-Йорке. Но что касается «охранительных и даже запретительных тарифов», которые предлагал Медзыховский как средство принудительного воздействия на американцев, то об этом, конечно, пока нельзя было говорить вслух (недаром против этих слов донесения появился карандашный вопросительный знак). Впрочем, ведь и сам Медзыховский имел в виду послевоенное будущее, до которого было еще далеко. А пока в тарифной сфере американцев пужно было не пугать, а, наоборот, посулить им подачку, подобно тому, как это сделал Витте в 1905 г.¹²

⁹ ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 227, л. 4.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Там же, л. 4.

¹² См.: Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. М.—Л., 1955, стр. 502—503.

Действительно, как свидетельствует один из документов позднейшего происхождения, именно в это время, во всяком случае не позднее ноября 1915 г., американскому послу в России Мари было заявлено, что русское правительство ждет от США предложения относительно открытия переговоров о торговом соглашении, о чем Мари представил доклад своему правительству.¹³

Понятно поэтому, что петроградский представитель Нэйшнл сити бэнк Мезерв, восприняв полученную им 13/26 ноября 1915 г. телеграмму председателя правления этого банка Вандерлина об учреждении Американской международной корпорации как директиву о всемерной активизации своих действий по всем направлениям, считал ситуацию в Петрограде весьма для этого благоприятной. А так как незадолго до того Мезерв получил и очередную телеграмму из Нью-Йорка по вопросу об открытии в Петрограде отделения Нэйшнл сити бэнк, он сейчас же развернул бурную деятельность. При этом имелось в виду, что через отделение банка будут производиться все финансовые операции, связанные с организацией и функционированием русских предприятий Американской международной корпорации. Тем самым Петроградское отделение сразу же получило бы значительные суммы вкладов, проценты по которым не платились бы на сторону, а оставались в пределах сферы влияния банка, поскольку корпорация им в сущности патронировалась. И в тактическом отношении такие действия как бы в четыре руки (формально ведь корпорация и банк были друг от друга независимы) давали Сити бэнк серьезные преимущества.

Еще до учреждения Американской международной корпорации Вандерлип предписал Мезерву поторопить Министерство финансов с разрешением на открытие русского отделения Нэйшнл сити бэнк. Предписание это содержалось в той же телеграмме Вандерлипа, где он сообщал о сделанном им русскому финансовому представителю в США Г. А. Виленкину предложении соро-

¹³ Письмо вновь назначенного американского посла Франсиса гос. секретарю Лансингу, б. д., получено 2 мая 1916 г. (н. ст.), о первой беседе с Сазоновым, в которой Сазонов в ответ на упоминание Франсиса об этом заявлении с русской стороны ответил, что оно было сделано шесть месяцев тому назад (*The Lansing papers*, v. 2, Washington, 1940, p. 309). Как явствует из дневниковых записей самого Мари, вопрос о торговом соглашении был поднят американской стороной. Вел это дело в Вашингтоне Лансинг, который, еще не став государственным секретарем и будучи лишь советником Госдепартамента, фактически вдохновлял всю его политику. По указанию Лансинга, 23 июня 1915 г. Мари обратился к Сазонову с вопросом об отношении России к возможности такого соглашения и в тот же день сообщил в Вашингтон, что русское правительство отнесется к этому «в самом дружественном духе» (*G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia. Philadelphia, 1929, pp. 143, 190*). О ноябрьском разговоре с Сазоновым у Мари ничего не находим.

камиллионного кредита сроком на полгода, с помощью которого Нэйшл сити банк рассчитывал привязать к себе Россию и в деле долгосрочного ее кредитования в Америке. Мезерв получил эту телеграмму 31 октября/13 ноября 1915 г.¹⁴ По-видимому, из Нью-Йорка обратились в Министерство финансов не только через Мезерва, но и через Виленкина, потому что уже на следующий день сам министр финансов Барк позвонил Мезерву по телефону и сообщил, что он может начать в кредитной канцелярии переговоры об уставе Петроградского отделения своего банка.

Вандерлип предписал Мезерву не допускать никаких ограничений по части вкладов, а также не соглашаться на создание гарантийного фонда на образцу того, который представил русскому правительству Лионский кредит, единственный иностранный банк, имевший отделение в России. Против включения в устав таких условий, которыми Нэйшл сити банк был и без того связан американским банковским законодательством, Мезерв мог, конечно, не возражать.

Беседа с вице-директором кредитной канцелярии Мебесом 2/15 ноября показалась Мезерву «в высшей степени удовлетворительной». Мебес даже заявил на прощанье, что он и представления не имел о строгости банковского законодательства США и желал бы установления такого же надзора за банками со стороны правительства в России. Мезерв кончил свое донесение Вандерлипу оптимистической фразой о том, что в Министерстве финансов «очень хотят, чтобы Нэйшл сити банк открыл здесь отделение и что сейчас можно получить удовлетворительный устав».¹⁵ Но оптимизм как Вандерлипа, так и Мезерва был необоснован. Прежде всего он был связан с расчетами на успех кредитных операций, а они пока не удавались. А кроме того, сейчас же сказались конкурентные противоречия с русскими банками и с некоторыми иностранными, что крайне осложнило все дело. Мебес при первой же встрече с Мезервом заявил, что русские банки потребуют от правительства ограничения размеров депозитов в Петроградском отделении Нэйшл сити банк и вообще они-де будут бояться отвлечения своих вкладов «столь могущественным банком», а потому не согласятся ли американцы на ограничение выплачиваемых клиентам процентов. Мебес требовал также гарантийного фонда, и Мезерв усматривал в этом нежелание дать американцам преимущество перед Лионским кредитом.¹⁶

¹⁴ Приводится в письме: Мезерв — Вандерлипу, 1/14 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 66.

¹⁵ Мезерв — Вандерлипу, 3/16 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 68—69.

¹⁶ Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

К тому же Мезерв узнал, что Гаранти траст компани и Лондон сити энд Мидленд бэнк собираются открыть свои отделения в Петрограде, что активизируется в России и Ферст нэйшнл бэнк оф Бостон.¹⁷

Известия о намерениях конкурентов, и прежде всего американских, подстегнули Нэйшнл сити бэнк. Подгоняемый из Нью-Йорка, Мезерв писал туда: «Упорно работаю над уставом, пытаюсь исключить статью, ограничивающую вклады, но боюсь, что потребуется еще много встреч для окончательного решения этого вопроса».¹⁸ Через месяц Мезерву удалось добиться лишь уменьшения размеров гарантийного фонда. Проект устава, обещанный Министерством финансов, был по-прежнему аналогичен уставу, по которому действовал Лионский кредит. Обойти французов, таким образом, не удалось, а когда Мезерв 9/22 декабря телеграфировал об этом в Нью-Йорк, то перед ним возникла тень и английской конкуренции. Телеграмма до Вандерлипа не дошла, и Мезерв не видел этому никакой причины, «если она не была задержана в Англии». А так как подобное случалось с его телеграммами и раньше, он знал, что «если беда в этом, то повторять телеграмму было бы бесполезно».¹⁹

Насколько можно судить по сохранившимся материалам фонда Петроградской конторы Нэйшнл сити бэнк (переписка Мезерва до открытия конторы входит в его состав), вопрос об открытии отделения банка в России с этих пор на несколько месяцев повис в воздухе.

Так же внезапно, как и следы переговоров об открытии отделения, обрываются в фонде Петроградской конторы Нэйшнл сити бэнк документальные следы проходивших параллельно переговоров о займе.

Трехмесячный пробел — с начала сентября до декабря (причем за сентябрь и декабрь имеется по одному документу) — наблюдаем мы и в фонде Русско-Азиатского банка, где в специальном деле собирались документы, отражавшие ход переговоров об американских кредитах между Гаранти траст компани, русскими банками во главе с Русско-Азиатским и Министерством финансов. Поэтому ход переговоров в конце 1915 г. может быть восстановлен лишь с помощью представления министра финансов П. Л. Барка Комитету финансов от 10 марта 1916 г. «О совершении кредитных операций в Америке», документа обзорного характера, пространного, но составленного в итоговой форме,

¹⁷ Мезерв — Вандерлипу, 10/23 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 76.

¹⁸ Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г., № 56. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

¹⁹ Мезерв — Вандерлипу, 19 декабря 1915 г./1 января 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 104.

т. е. излагающего условия американских предложений, взгляды Министерства финансов и результаты переговоров, без дат и строгого соблюдения хронологической последовательности.²⁰

Не далее, как 7/20 ноября Мезерв телеграфировал Вандерлипу: «Наконец, уладил все окончательно. На сегодняшнем заседании ваши предложения приняты... Все препятствия будут устранены».²¹

Свою радость по этому поводу Мезерв объяснял тем, что успех достигнут вопреки «многочисленным сильным посторонним течениям», подразумевая, по-видимому, в частности, и английскую конкуренцию.

Считая вопрос о краткосрочном займе уже решенным в пользу своего банка, он сейчас же начал заботиться о большом займе с таким дополнительным обеспечением, которое дало бы возможность американскому синдикату банков успешно и быстро разместить заем среди подписчиков, вследствие чего сами банки могли бы сейчас же взяться за дальнейшие русские финансовые операции, в частности за железнодорожное строительство. «Я приступил уже к попыткам вдолбить здесь эту истину (to drive home this truth here)», — докладывал Мезерв Вандерлипу 11/24 ноября.²² В тот же день, в ответ на телеграмму продолжавшего волноваться Вандерлипа, Мезерв подтвердил свою телеграмму от 7/20 ноября о согласии Министерства финансов на условия Нэйшнл сити бэнк. «Они считают, что все решено принятием ваших условий», — телеграфировал он.²³ К этому дню — 11/24 ноября эти условия в том виде, как они были сообщены Министерству финансов, предусматривали предоставление без дополнительного обеспечения уже не 25, а 40 млн долларов. Они-то и были, по словам Мезерва, приняты.²⁴

А через 20 дней все переменялось. Министерство финансов вообще отказалось от краткосрочного займа. Единственное условие, при котором Министерство финансов соглашалось взять краткосрочный кредит, состояло в том, чтобы он рассматривался лишь как подготовительная мера для крупной кредитной операции с обязательной его консолидацией. Но с американской стороны такое обязательство дать отказывались, мотивируя это

²⁰ ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

²¹ Приводится в письме: Мезерв — Вандерлипу, 7/20 ноября 1915 г. (ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 73).

²² Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г., № 55. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 78.

²³ Приводится в письме: Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г., № 56. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

²⁴ См. нашу статью «Финансово-экономические отношения России и США после начала первой мировой войны (август 1914—ноябрь 1915 г.)» в кн.: Из истории империализма в России. Тр. ЛОИИ, вып. 1, М.—Л., 1959, стр. 306—307.

невыясненностью вопроса о том, какое обеспечение предложила бы Россия для большого займа.²⁵

Хотя руководство Сити бэнк официально выступало от имени синдиката, в который, кроме Сити бэнк, наряду с Морганом и Киндер-Пибоди входила Гаранти траст компани, в Министерстве финансов ничуть не обманывались насчет того, что «в группе банков не было единогласия», и резонно считали, что наряду с общеконкурентными соображениями единство внутри синдиката между Сити бэнк и Гаранти подрывалось еще и тем обстоятельством, что Сити бэнк был заинтересован главным образом в большом займе, а Гаранти траст, наоборот, — в краткосрочной операции такого типа, как осуществленная с Гаранти в эти дни — в ноябре 1915 г. — на сумму в 5 млн долларов. «Интересы различных банков в этих двух операциях противоположны», — указывалось в мартовском представлении Барка Комитету финансов. При всем том отказ от краткосрочного займа, хоть он и представлял собой со стороны Министерства финансов маневр, не был связан с использованием противоречий между банками, поскольку к Гаранти траст отказ этот относился в той же мере, что и к Нэйшнл сити бэнк.

Вообще у Гаранти траст компани дела в Петрограде обстояли не лучше, чем у Нэйшнл сити бэнк. Связь Министерства финансов с Гаранти траст была с самого начала установлена и поддерживалась через шведского банкира Олафа Ашберга. Являясь одним из учредителей Шведско-Русско-Азиатской компании с отделениями в Петрограде, Стокгольме и Нью-Йорке, связанной с Русско-Азиатским банком, и одновременно американской фирмы «Джон Мак-Грегор Грант инкорпорейтед», Ашберг имел собственный русско-американский бизнес и часто бывал в Петрограде. Здесь-то он и получил «задание» русского правительства «добиться займа в США для России» с установлением «прямой» (читай: минуя Англию) связи между Россией и американскими банками.²⁶ Приехав с этой целью в Америку, Ашберг, по логике вещей, прежде всего обратился к еврейской группе Кун, Леб и Ко, считавшейся германофильской и потому слабо связанной с Антантой. Но глава этой группы ответил Ашбергу отказом по мотивам бесправия евреев в России. Тогда Ашберг обратился к Гаранти траст и ее руководителю Сэбину, нашел там поддержку и привез в Россию представителя Гаранти Мэрфи.

От имени Гаранти траст Ашберг и Мэрфи предложили план кредитования русских закупок и заказов в США, производимых через посредство Шведско-Русско-Азиатской компании. План этот состоял в том, чтобы синдикат американских банков, «руко-

²⁵ Представление Барка Комитету финансов, 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

²⁶ O. A s c h b e r g. En vandrane Jude fran Glasbruksgatan. Stockholm, 1946, s. 117.

водство которым будет осуществляться Гаранти траст компани оф Нью-Йорк», кредитовал в США русские банки, которые предоставляли бы доллары иностранному отделению кредитной канцелярии, получая контрвалюту в рублях. В качестве дополнительного обеспечения Гаранти траст требовала гарантированных железнодорожных облигаций. Сумма предложения достигала 60 млн долларов, срок был полуторогодичный. Договоренность с Русско-Азиатским банком была достигнута без труда,²⁷ основания операции были тогда же согласованы с Барком,²⁸ но сколько Ашберг ни торопил с осуществлением операции, никаких заказов его компании не давали.²⁹ В сентябре Министерство финансов одобрило в принципе условия Ашберга,³⁰ но к проведению операции так и не приступало, и Путилов уже решил соблазнить Барка разработанным им новым бескредитным планом русско-американского экономического сближения, по которому главная роль отводилась не Гаранти траст компани, а самому Русско-Азиатскому банку.³¹ Лишь в ноябре операция с Ашбергом была осуществлена всего на 5 млн долларов.

Отказ Министерства финансов от краткосрочного кредита Сити бэнк — независимо от того, был или не был связан этот отказ с совершением операции с Гаранти, оставлял для Сити бэнк возможность предоставления лишь большого займа. Но и эта возможность висела на волоске. Заем был очень нужен России, но и он, по мнению Мезерва, мог быть получен из другого источника. 1/14 декабря он телеграфировал Вандерлипу: «Советую поспешности, какая только возможна. Полагаю, что вы никогда не будете иметь более свободного поля действия. Не можете ли выдвинуть такие условия большого займа, на которых вы были бы согласны взять по меньшей мере сто миллионов? В этом случае я могу немедленно начать с министром финансов работу над предложением». Воспроизведя эту телеграмму в письме, Мезерв приписал: «Здесь появилась причина постороннего происхождения — в письме изложить ее я не могу, — по которой мне представляется благоразумным советовать вам всячески поспешить с займом».³²

²⁷ Русско-Азиатский банк — Ашбергу, 25 июня/8 июля 1915 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19 (после обработки фонда), лл. 13—14.

²⁸ См. упоминание об июльском письме Барка Ашбергу в письме Мезерва и Марша Барку от 11/24 января 1916 г. (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 71).

²⁹ Телеграммы Ашберга Путилову, 4/17 августа и 14/27 августа (1915 г.) и др. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 29, 36 и сл.

³⁰ Кредитная канцелярия — Русско-Азиатскому банку, 8 сентября 1915 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 51—52.

³¹ См. проект письма Русско-Азиатского банка министру финансов, 6 октября 1915 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 55—56.

³² Мезерв — Вандерлипу, 1/14 декабря 1915 г., № 62. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 90.

Причина, назвать которую Мезерв не хотел, заключалась, как нам представляется, в том, что со дня на день в Петрограде должен был снова появиться Ашберг, успевший еще раз побывать в Нью-Йорке у Сэбина. Теперь ему в помощь Сэбин отправил в Россию своего близкого друга Рольфа Мэрша.³³ У Мезерва были основания опасаться своих конкурентов: хотя утверждение Ашберга-мемуариста о том, что Гаранги во время этой его поездки в США предложила России заем в 200 млн долларов, явно преувеличено, все же предложения Гаранги определенно достигали суммы в 60 млн долларов, да и срок кредита, в конце концов, мог быть изменен... Назвать вещи своими именами в письме к Вандерлину Мезерв не мог, потому, прежде всего, что осведомленность русской стороны о страхе Сити банк перед конкурентней Гаранги, конечно, не помогла бы ему в переговорах с министерством финансов.

На призыв Мезерва поспешить Вандерлин, по-видимому, откликнулся с очень большой срочностью. Во всяком случае, уже 13/26 декабря Мезерв сообщал ему: «Министерство финансов и кредитная канцелярия работают над вашими телеграммами №№ 26 и 27, и я надеюсь, что завтра они будут готовы к разговору по этому вопросу».³⁴ В этих двух не дошедших до нас телеграммах, судя по всему, содержалось новое предложение Вандерлина. Сообщенное также Виленкину в Нью-Йорке, оно предусматривало приобретение синдикатом пятипроцентных бон Государственного казначейства сроком на три года по цене 90 за 100. По истечении срока эти бонны могли бы быть конвертированы по цене 95 за 100 в пятипроцентные облигации русских железных дорог. Но эти облигации, погашаемые через 25 лет, должны были опять-таки иметь уже нам известное дополнительное обеспечение в виде первой закладной на казенные железные дороги (Николаевскую, Екатерининскую и др.). Что этим своим предложением Вандерлин по-прежнему надеялся обойти Гаранги, особенно ясно видно из сообщения Виленкина, согласно которому «синдикат с Национальным городским банком во главе» изменил свой взгляд и находит теперь «необходимым, чтобы большой заем предшествовал бы займу Ашберга».³⁵ Еще совсем недавно в первые дни ноября (ст. ст.) Вандерлин усиленно предлагал России начать именно с краткосрочного кредитования в своем банке, надеясь этим привязать к себе Россию и в деле с большим займом.

³³ O. A s c h b e r g. En vandrande Jude från Glasbruksgatan, стр. 122. — Ашберг выехал из Стокгольма в Петроград 5/18 декабря (Директор Русско-Азиатского банка Герценберг — посланнику в Стокгольме А. В. Невлюдову. 16 февраля 1916 г. по ст. ст. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 389, лл. 231—233).

³⁴ Мезерв — Вандерлину, 13/26 декабря, № 66. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 96—97.

³⁵ Представление Барка Комитету финансов, 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 534, лл. 13—19 об.

Теперь, когда Министерство финансов заявило, что оно вообще отказывается от краткосрочного кредита, Вандерлип решил и эту новую ситуацию использовать против Ашберга и Гаранти, да еще сделал хорошую мину при плохой игре, словно и не замечая русского отказа.

Но и на сей раз обойти Гаранти траст компании Вандерлипу не удалось. Ашберг, прибыв в Петроград, тоже не терял времени даром. Уже 10/23 декабря Путилов и представитель Гаранти траст выработали проект соглашения о кредите между Русско-Азиатским банком и Гаранти, который подлежал утверждению ее главы Сэбина.³⁶ Что Путилов действовал по согласованию с кредитной канцелярией — вне всякого сомнения. А кредитная канцелярия, по-видимому, вновь стала склоняться к принятию услуг компании Ашберга в деле размещения заказов и производства закупок, а вместе с ними и кредита Гаранти из-за того, что промышленные связи Нэйпил сити бэнк в «русском деле» фактически не проявлялись. Замысел Вандерлипа, состоявший в том, чтобы использовать эти связи против Гаранти траст с помощью созданной им Американской международной корпорации, практически не был реализован. Действия корпорации развертывались гораздо медленнее, чем рассчитывал Вандерлип, и «участие американского промышленного капитала в экономическом развитии России», о котором мечтали в официальных и капиталистических кругах России, все еще представлялось вопросом будущего.

Наряду с вопросами о займе и об открытии Петроградского отделения Мезерв занялся приисканием концессий для Американской международной корпорации и связанных с ней капиталистических предприятий США. «Я имею сейчас много предложений насчет железнодорожных концессий и меньшее число насчет горных и лесных, я получаю такие предложения ежедневно. Зная, как это долго — исследовать какое-либо значительное предложение, и чувствуя, что после конца войны возможности получения концессий для иностранцев вовсе не будут так благоприятны, как теперь, я почел за благо посоветовать вам елико возможно поторопиться с отправкой сюда экспертов», — писал он Вандерлипу.³⁷ Для геологического обследования получаемых концессионных предложений Мезерв хотел, чтобы Американская международная корпорация добилась открытия в России отделения Плавильной и рафинировочной компании США.³⁸

³⁶ Перевод письма Гаранти траст компании от 10/23 декабря 1915 г. в Русско-Азиатский банк. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, л. 19, л. 62.

³⁷ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря 1915 г., № 66. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 96.

³⁸ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря 1915 г., № 66. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26; л. 96 Мезерв — Мейну, 13/26 декабря 1915 г. Там же, д. 23, л. 357; Мейн — Мезерву, 4 января 1916 г. (н. ст.). Там же, д. 26, л. 238; Мезерв — Вандерлипу, 6/19 января 1916 г. Там же, л. 109.

Чтобы облегчить американскому капиталу концессионные дела, Вандерлип предписал Мезерву войти в контакт с Русско-Азиатским и Сибирским торговыми банками. Путилов ответил ни к чему не обязывающим любезным заявлением. А руководство Сибирского торгового банка, как сообщал Мезерв, уже проявило крайнюю заинтересованность в том, чтобы «Нэйшнл сити бэнк все свои дела в Сибири и в Северной России вел через них». Это было, конечно, совсем не то, чего хотелось бы Вандерлипу, и Мезерв понимал это, но нельзя было не считаться с тем, что «у этого банка сильные связи на Урале и в Сибири», что он «заинтересован во многих значительных предложениях», которые «могут заинтересовать Американскую международную корпорацию». И Мезерву приходилось писать Вандерлипу, что «было бы весьма мудро пойти на нечто вроде союза» не только с Сибирским банком, но и с крупнейшим уральским горнопромышленником Ф. А. Ивановым, тесно связанным с этим банком («если вы хотите принять какие-либо предложения по горной части на Урале»),³⁹ хотя не далее как накануне Мезерв отправил Вандерлипу газетную вырезку, из которой явствовало, что Иванов отнюдь не принадлежал к безоговорочным сторонникам привлечения американских капиталов.

Действия Мезерва пока не шли в сущности дальше серьезной экономической рекогносцировки, но сама эта рекогносцировка имела, по-видимому, для американского капитала особое значение. «Моя работа в России оказывается, как я и ожидал, самой интересной работой за всю мою жизнь, — писал Мезерв. — Об этом ничего не слышно, но здесь зреют миллионы».⁴⁰ «Я страшно заинтересован моей работой здесь», — сообщал он Мейну.⁴¹

На пороге нового 1916 г. Мезерв решил заняться общей оценкой перспектив для американского капитала в России. Прежде всего эти перспективы, естественно, стояли в связи с позицией правительства и руководящих капиталистических сфер России, внутренней экономической политикой царизма и его планам на будущее в этой области. Все это должно было проявиться в заключениях Мезерва. Более того в своих оценках перспектив для американского капитала в России Мезерв находился под несомненным влиянием точки зрения русской стороны, поскольку эта точка зрения отвечала интересам тех американских деловых кругов, которые рассчитывали на непосредственное приложение в России своих капиталов. Что касается позиции правительства, то нам приходилось уже характеризовать ее как благоприятную

³⁹ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря 1915 г., № 67. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 98.

⁴⁰ Мезерв — вашингтонскому банкиру Гиббсу, 25 ноября/8 декабря 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 234.

⁴¹ Мезерв — Мейну, 13/26 декабря 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 357.

привлечению американского капитала в различные отрасли хозяйства. Такой же выглядела она и в беседе американского посла с самим царем, состоявшейся несколько позже, весной 1916 г.⁴² В сущности эта позиция определялась мнением о том, что введенный в страну иностранный капитал легко может быть включен в систему внутренней экономической политики правительства и функционировать в ее рамках, неизбежно подчиняясь в той или иной степени правительственному регулированию.

Несколько сложнее была позиция буржуазных кругов. В целом также благоприятная, она не была теперь столь же безоговорочной, какой представлялась вскоре после начала войны. В этом сказались, по-видимому, и накопление в руках буржуазии все больших денежных средств (отчасти инфляционного происхождения), и рост буржуазной оппозиции царизму. Заседание руководящих частных банков, созванное Министерством финансов 7/20 ноября для рассмотрения условий американского займа, вызвало в буржуазных кругах широкий отклик. А затем 1/14 декабря А. И. Гучков собрал у себя дома представителей ведомств, банков и крупных торгово-промышленных организаций и сообщил, что консорциум американских банков выражает желание вложить в русскую промышленность до 100 миллионов долларов.⁴³

Помимо состоявшегося тут же обсуждения «на самом высоком уровне», в одной из двух крупнейших представительных организаций русской буржуазии — Совете съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства — состоялось специальное заседание ее Сибирского бюро, обсуждавшее вопрос о привлечении американского капитала в Сибирь. В целом его привлечение было признано «крайне желательным», решено было через А. И. Гучкова предложить американским финансовым кругам возможности капиталовложений в железнодорожное дело, золотодобычу, холодильное и элеваторное дело. Но попавшие в газетные отчеты два выступления участников заседания выглядели несколько иначе. Ф. А. Иванов, тот самый, на которого Мезерв возлагал свои надежды в связи с горным делом в Сибири и на Урале, выдвинул такие оговорки, которые фактически сводили на нет благоприятный для американцев конечный итог совещания. Он заявил, что следует допустить финансирование «лишь крупных и точно очерченных предприятий, как например железные дороги». Если принять во внимание, что на заседании специально подчеркивалась необходимость сохранения в русских руках управления предприятиями с участием иностранного капитала, то смысл позиции Иванова ясен. Лидер уральских горнопромышленников опасался бесконтрольного проникновения аме-

⁴² G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia, p. 475.

⁴³ Биржевые ведомости, утр. вын., 2/15 декабря 1915 г.

риканского капитала в горное дело путем захвата мелких предприятий, которые, разумеется, легко могли быть превращены в крупные и стать источником конкуренции. Иностраный капитал в крупных русских предприятиях он считал менее опасным, но примечательно, что и здесь он привел в качестве примера железные дороги, а горного дела не упомянул вовсе. Еще менее благоприятным с американской точки зрения было выступление проф. М. И. Боголепова, одного из признанных в буржуазных кругах ученых-финансистов. На заседании, посвященном привлечению американского капитала, он вдруг заявил, что для развития промышленности в Сибири следует установить отношения с пресловутой французской организацией сенатора Мелина, которая, как известно, имела своей целью развитие французской экономической экспансии в России.

В том же духе были выдержаны и высказывания по поводу привлечения американского капитала, прозвучавшие на совещании у Гучкова.⁴⁴ В принципе все приветствовали его привлечение, но многие — с оговорками. Почти совершенно скептическую позицию занимал и здесь лишь проф. Боголепов. Председатель Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, бывший министр торговли и промышленности в кабинете С. Ю. Витте, В. И. Тимирязев, а также видный деятель ряда акционерных обществ, в прошлом товарищ министра финансов в министерстве Витте, В. И. Ковалевский излагали традиционную со времен Витте правительственную точку зрения на американский капитал как на безопасный с точки зрения последствий его внедрения, такой, который будет способствовать экономическому развитию страны и не только сам не повлечет отношений зависимости, но и поможет ликвидации зависимости русской промышленности от капитала европейских стран.

Но и они охотнее всего как о сфере приложения американских капиталов говорили о железнодорожном строительстве. Имея в виду железнодорожное строительство в Сибири и в северной части европейской России, В. И. Ковалевский говорил: «Вот в этом деле американцы и могли бы оказать нам существенную услугу, не налагая ярма на нашу промышленность, а, напротив, способствуя ее дальнейшему росту». «Так не хотелось бы менять одно ярмо — немецкое — на другое», — восклицал он и продолжал с ощутимым вздохом: «Но если понадобится и сюда (в промышленность, — *Р. Г.*) привлечь американский капитал, кроме железнодорожного дела, то, конечно, прежде всего для широкого развития двух основ всей промышленности — минерального топлива и металлургии, далее — для специальных отраслей нашего машиностроения и химических производств». В. И. Тимирязев также требовал привлечения американского капитала в та-

⁴⁴ Биржевые ведомости, утр. вып., 5/18 декабря 1915 г.

кие отрасли, которые требуется развивать «для эмансипации от иностранной зависимости». И тут же сам ставил «вопрос о том, не повлечет ли за собою привлечение американских капиталов нового экономического закрепощения России». Выход из лабиринта собственных противоречивых рассуждений Тимирязев находил в принятии традиционной официальной точки зрения о предпочтительности импорта капиталов импорту товаров. Следует иметь в виду, заявлял он, что «самое вредное для страны» — это зависимость от импорта из-за границы товаров. Что же касается американского предложения о капиталовложениях, то «оно не только не опасно, а напротив, может принести при известных ограничительных условиях одну только выгоду России». За рассуждениями об угрозе зависимости, которые иногда вдруг начинали вести в правительственных и буржуазных кругах, крылась, помимо соображений общегосударственных, боязнь иностранной конкуренции — все равно в форме ли импорта товаров или ввоза капиталов. Но капиталовложения считались предпочтительными, в частности, и потому, что к ним можно было применить традиционную систему правительственных ограничительных мер, которая была, конечно, гораздо гибче, нежели система полузапретительного или запретительного внешнеторгового тарифа.

Составлявший стержень экономической концепции Витте расчет на то, что иностранный капитал внутри России ликвидирует ее зависимость от различных отраслей промышленности передовых капиталистических стран и их финансового капитала, расчет, который перед войной как бы несколько утратил свое значение, теперь опять обрел его. Поэтому хоть и со скрипом, но все же настаежь открывались ворота перед американским капиталом. Не случайно, что без каких бы то ни было оговорок приветствовали его привлечение не сами крупные капиталисты, а буржуазные политические деятели, выражавшие общеклассовые интересы буржуазии, как например А. И. Шингарев и Е. П. Ковалевский. Последний в несколько парадоксальной форме очень точно сформулировал суть дела, заявив: «Привлечение американского капитала в русскую промышленность можно лишь приветствовать, тем более что оно представляется совершенно неизбежным».⁴⁵

Сами же представители промышленных и банковских монополий, расширяя свое господство над военной экономикой, не прочь были придать собственным конкурентным соображениям подчеркнута национальную форму, требуя себе за это от правительства большей свободы. Так, на состоявшемся несколько позднее, в июне 1916 г., третьем съезде представителей акционерных коммерческих банков председатель съезда Я. И. Утин, призывая сосредоточить «главное внимание» на том, чтобы банки получили «свободную, не стесненную никакими излишними тормозами»

⁴⁵ Биржевые ведомости, утр. вып., 5/18 декабря 1915 г.

возможность деятельности, требуя создания «здоровой атмосферы доверия к ним» и введения необходимых «гарантий» в «новый банковый устав», мотивировал это стоящей перед банками «патриотической задачей». А заключалась она в борьбе за «экономическую и, в частности, промышленную самостоятельность», которая-де представляет собой «основу политической независимости и безопасности» страны. «Россия, — заявлял Утин, — должна покончить с состоянием промышленного несовершенности, должна вывести свою промышленную жизнь из зависимого положения от соседей, и в особенности соседей-врагов, на простор свободного самостоятельного развития. Пора перестать смотреть из чужих рук... на полпути мы не остановимся, и перед нами после войны необозримое поле деятельности».⁴⁶

Среди материалов, которыми располагал Мезерв, столь определенных высказываний не было, но наличие такой тенденции ему удалось, по-видимому, уловить. И, препроводив в Нью-Йорк переводы газетных сообщений об отношении в русских деловых кругах к привлечению американского капитала, он на следующий же день, 13/26 декабря, сделал в письме к Вандерлипу уже отмеченную нами рекомендацию поторопиться с получением концессий в России, потому что после окончания войны это будет не так-то просто. В тот же день своему другу и партнеру Мейну, который запросил его мнение о деловых перспективах в Европе, он сообщил, что хотя в целом «ответить еще не может» («так много вещей, которые нужно принять для этого во внимание»), по отношению России он «склонен считать, что здесь американским капиталом будут сооружены заводы».⁴⁷

Перед Вандерлипом свой взгляд на перспективы американского капитала в России Мезерв сформулировал в специальном письме 22 декабря 1915 г./4 января 1916 г. Он исходил из того, что после войны в России в большей мере, чем в любой другой европейской стране, будет ощущаться стремление к экономической независимости от Запада. Кроме «крутых правительственных мер» для регулирования внешней торговли (а в России, считал он, за время войны привыкнут к контролю за отливом денег за границу), Мезерв имел также в виду правительственную политику покровительства монополиям и их всемерной поддержки. Понимая, что эта политика проводится под флагом ликвидации зависимости России от иностранной промышленности, Мезерв тем не менее именно здесь и видел возможность широкого внедрения американского капитала в русскую экономику. Он планировал приток американского капитала в русскую промышленность

⁴⁶ Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г.—1 января 1918 г. Пгр., 1918, стр. 45.

⁴⁷ Мезерв — Мейну, 13/26 декабря 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 357.

как органически связанный с усилением процесса ее монополизации, исходя из монополистического характера самого американского капитала. В его чисто практическом понимании это звучало так, что американские дельцы, дескать, «привыкли к крупным компаниям». Поэтому он предлагал «сейчас же» приступить к организации «русско-американской компании, которая консолидировала бы (в России, — *P. I'*) несколько крупных действующих концернов». Термин «концерн» употреблялся Мезервом не в строгом смысле слова, а в часто применяемом в США ко всем вообще монополистическим предприятиям без различия их характера. Подлинный концерн должен был получиться как раз вследствие предлагаемой Мезервом «консолидации», задуманной как объединение предприятий смежных отраслей.

С осуществлением этого плана, относившегося к предприятиям черной и цветной металлургии и угледобывающим, он предлагал поторопиться. Он мотивировал это появлением в России такого мнения, что ведущиеся годами разговоры о притоке американского капитала — «только разговоры».

Некоторые препятствия существовали и на пути к овладению «самым большим полем действия в России», каковым Мезерв считал железнодорожное строительство. Он «недавно счел для себя особенно обязательным» обратить внимание влиятельных кругов, с которыми он был связан, на то, что «американцы являются специалистами мирового масштаба в области частных железных дорог». Результаты этих бесед были хороши хотя и удовлетворительными («американцев встретят с открытыми объятиями»), но не полностью: действовать предстояло с большой осторожностью и оглядкой — «в том же духе, как если бы вы согласились, чтобы русские прибыли в Америку и начали там строительство частных железных дорог на свои деньги». «В чужой стране всегда существует опасность нечаянно восстановить против себя людей», — с паивным видом объяснял это Мезерв. Кончал он свое письмо строгим предупреждением: «Если мы и на этот раз потерпим неудачу, то я полагаю, что большой русский бизнес будет потерян для Америки навсегда».⁴⁸ Но в пост-скриптуме он несколько смягчил строгость своего предупреждения, указав и на другую сторону дела. Поторопиться, — объяснял он, — не только необходимо, но еще и выгодно ввиду весьма низкого по сравнению с долларом курса рубля. А посему «настоящий момент представляется выгодным для того, чтобы внедриться в здешнюю промышленность покупками участия в ней».

Сам Мезерв отнюдь не был расположен упустить эту возможность. Вместе с некоторыми своими американскими партнерами он принимал активное участие в различного рода предприя-

⁴⁸ ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 105.

тиях, сделках вокруг военных поставок, приобрел с этой целью «ход» ко двору и т. д.

Но все это были мелочи, американский большой бизнес в дело еще не вступал. Новая монополистическая организация США — Американская международная корпорация, детище Вандерлипа, набирала жизненные силы довольно медленно. Период ее организации затянулся, несмотря на избыток средств у Нэйшнл сити бэнк. Не только в этом заключалась, однако, причина оттяжки, и вообще дело здесь было не в одних только сроках. Не меньшее значение имело несовпадение намерений. Планы экспансии американского капитала в России совпадали с русскими планами его привлечения далеко не полностью. В России рассчитывали на немедленный приток американского капитала, а в капиталистических кругах США — на промышленный экспорт в Россию после войны. Американская международная корпорация не торопилась, операций с военными поставками она даже попросту избегала, считая, по-видимому, что участием в поставках можно лишь нанести урон своей репутации в России: так неудовлетворительно обстояло с ними дело. Элемент сознательной медлительности был не только заложен в самой идее создания Американской международной корпорации, но и вообще присущ русским планам американских монополий, прущуроченным собственно к послевоенному периоду. Сама война рассматривалась при этом не столько как благоприятный момент для осуществления «русского дела», сколько как создающая благоприятные возможности для этого на послевоенное будущее. На протяжении 1916 г. американский капитал и американская дипломатия, естественно, не занимали еще той определенной позиции в вопросе о продолжении войны Россией, какую заняли в дальнейшем, сумма уже размещенных в США военных заказов союзников была столь значительна, что дальнейшее их размещение сталкивалось с большими трудностями. В сочетании с герmanoфильскими тенденциями, еще сильными в 1916 г. в официально нейтральной Америке, все это делало ее оплотом для «эмансипации» от союзников в глазах тех кругов в России, которые по разным причинам стремились к этому.

Эти обстоятельства весьма усложняли общеполитическую обстановку, в которой проходили переговоры об американском займе. Шансы Сити бэнк и Гаранти траст были на этом этапе переговоров в сущности равны: расчет Вандерлина на то, что преимущества широких промышленных связей его банка дадут возможность сделать Россию сферой единоличного влияния Сити бэнк, пока не оправдывался.

Инициатива в ведении переговоров с американской стороны в значительной мере перешла к Либбергу и представителю Гаранти в Петрограде Мэршу. Противоречия внутри синдиката отнюдь не ослабели, но к этому моменту (самый конец 1915 и на-

чало 1916 г.) он стал действительно синдикатом, не в пример совсем недавнему прошлому, когда, выступая от его имени, каждый из американских банков (к Сити бэнк это относилось в особенности) почти неприкрыто действовал лишь в собственных интересах.

В предложениях синдиката, сделанных в Вашингтоне Виленину, восстановилась прежняя, нарушенная было, последовательность операций — сначала операция Ашберга (в размере 30 млн долларов с публичным понижением процента с 9 до 7, возмещаемым, однако, русским правительством Гаранти «частным образом»), а затем — железнодорожный заем. Сознавая, по-видимому, свои преимущества, обусловленные противоречиями между американскими банками, Министерство финансов демонстративно хладнокровно ответило на это, что оно вообще предпочитает ограничиться всего одной операцией — выпуском гарантированных облигаций одного из частных обществ — Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской или Московско-Виндаво-Рыбинской железных дорог.

В переговорах с Мэршем, Ашбергом и Мезервом в Петрограде Министерство финансов также продолжало считать главным предметом обсуждения «большой заем», хотя Мэрш и счел для себя выгодным прямо раскрыть русской стороне отношения внутри синдиката («из объяснений г. Мэрша представлялось очевидным, что группа Гаранти траст компани более заинтересована в операции трассировочной, проектированной Ашбергом»).⁴⁵ Впрочем, в Министерстве финансов и без того существовало весьма полное представление об этом.

Русская сторона занимала такую позицию, что переговоры ведутся с официальными представителями синдиката, составленного на предмет реализации «большого займа». Что же касается предусмотренного синдикатским соглашением между американцами предварительного совершения операции Ашберга, то Министерство финансов, беря в расчет противоречия внутри синдиката, в сущности игнорировало это обстоятельство, хотя оно и было сообщено ему в качестве одного из условий синдикатского предложения. Для Нэйшнл сити бэнк это было, конечно, выгодно, и Мэршу несколько раз приходилось хватать Мезерва за руку, чтобы помешать ему сорвать кредит Ашберга или по крайней мере воспрепятствовать немедленному совершению этой операции.

Переговоры эти заняли январь, февраль и первые числа марта (по ст. ст.). Первоначальное предложение синдиката, по форме аналогичное кредитованию железнодорожных обществ русскими банками, предусматривало заем русскому правительству

⁴⁵ Представление Барка Комитету финансов 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

в форме пятипроцентных гарантированных правительством трехгодичных обязательств частных железнодорожных обществ на 100 млн долларов. Помимо этих обязательств, синдикат требовал таких же обязательств в размере суммы займа в качестве дополнительного обеспечения. И те, и другие обязательства должны были остаться в депозите синдиката, который для размещения на рынке среди подписчиков намеревался выпустить специальные свидетельства от своего собственного имени.⁵⁰

Несмотря на очевидную крайнюю невыгодность этого предложения, Министерство финансов склонно было его принять. Русская сторона прельстилась двумя намеками на будущее, хоть они и были сделаны американским синдикатом так, что ни к чему его не обязывали.

Первый из этих намеков заключался в том, что по истечении трехлетнего срока обязательства могли бы быть «по желанию американского синдиката» конвертированы в двадцатипятилетние (в этом случае депонированные в качестве дополнительного обеспечения облигации подлежали возврату). Но синдикат мог — и такое «желание» с его стороны было не менее вероятным, чем первое, — просто через три года предъявить обязательства к оплате. Второй намек состоял в намерении синдиката, получив опцион еще на 100 млн долларов, повторить операцию «на совершенно аналогичных условиях». Вряд ли можно было, конечно, считать, что оба эти намека открывали блестящие виды на будущее для русского кредита в Америке, хоть Мэрш и Мерзер всячески на этом настаивали.⁵¹ Но Министерство финансов в тот момент расценивало все это, по-видимому, несколько иначе. Как видно из письма директора Кредитной канцелярии Д. Никифорова директору Департамента железнодорожных дел Н. Е. Гиацинцову от 29 января, в Кредитной канцелярии были настолько убеждены в том, что синдикат воспользуется опционом, и так к этому стремились, что вдобавок к обществам Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской и Московско-Виндаво-Рыбинской дорог, от имени которых предполагался выпуск на первые 100 млн долларов, наметили уже общества и на вторые 100 млн — Владикавказской, Северо-Донецкой, Рязанско-Уральской и Юго-Восточных дорог. Ради успешного завершения всего дела Кредитная канцелярия считала необходимым согласиться и на гарантию правительством необычно высокого процента по облигационным капиталам железнодорожных обществ — 5%. «Необходимо иметь в виду, — писал Никифоров, — что только при повышении означенного процента гарантии может быть заключено соглашение с американскими банкирами, дости-

⁵⁰ Представление Барка Комитету финансов 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

⁵¹ См. их письмо Барку 11/26 января 1916 г. (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 75).

жение коего представляется чрезвычайно важным не только в смысле получения валюты в Америке, но также как первый шаг к закреплению за нами американского денежного рынка для дальнейших железнодорожных эмиссий». ⁵²

Письмо Барку от 11/26 января, которое возбудило в Кредитной канцелярии надежду на скорое совершение большого займа и немедленно повлекло за собой обращение Никифорова к Гиацинтovu, вслед за Мезервом подписал и Мэрш. Но с его стороны это было если не ошибкой, то во всяком случае недостаточно осторожным шагом, так как руководство Гаранти траст компани 14/27 января телеграфировало ему следующее недвусмысленное указание: «Хоть мы и стремимся к одновременному, если это возможно, проведению займа Ашберга и большого займа, мы считаем опасным откладывать проведение одного дела до другого. Поэтому без колебаний и энергично жмите на заем Ашберга». ⁵³ Следствием этой телеграммы явились одинаковые письма за двойной подписью Мэрша и Мезерва Барку и Никифорову от 16/29 января, в которых было заявлено недвусмысленное требование совершить операцию Ашберга «немедленно», «одновременно» ведя переговоры об условиях большого займа. ⁵⁴ В тот момент Мэрш и Мезерв вслед за своими нью-йоркскими патронами сторговались между собой на этой позиции. Вновь появился на свет проект договора о кредите Ашберга между Гаранти траст компани и крупнейшими петроградскими банками — Русско-Азиатским, Азовско-Донским, Международным, Учетным и ссудным, Русским для внешней торговли, Русским торгово-промышленным и Сибирским торгово-промышленным. ⁵⁵

Все эти документы были, по-видимому, заготовлены к посещению Мэршем и Мезервом Кредитной канцелярии 18/31 января. Но ее директор Никифоров заговорил с американцами не о кредите Ашберга, а о большом займе, заявив, что проведение обеих операций возможно лишь одновременно, и принялся в буквальном смысле диктовать представителям синдиката меморандум относительно приемлемых для Министерства финансов условий большого займа (сумма дополнительного обеспечения, названная Никифоровым, составляла 110 млн долларов, а чистая выручка от займа, на которую он рассчитывал, — всего 83 333 тыс. долларов). Мэрш и Мезерв немедленно телеграфировали об этом

⁵² Никифоров — Гиацинтovu, 29 января 1916 г. ЦГИА, ф. 268, оп. 3, д. 871, лл. 378—379.

⁵³ Копия телеграммы Гаранти траст компани Мэршу, 14/27 января 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 84.

⁵⁴ Мэрш и Мезерв — Никифорову; Мэрш и Мезерв — Барку, 16/29 января 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 86—89.

⁵⁵ Экземпляры этого проекта вместе с дополнительными к нему документами сохранились в фондах Русско-Азиатского (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 90—111) и Азовско-Донского (ЦГИА, ф. 616, оп. 5, д. 391, лл. 2—13) банков.

в Нью-Йорк.⁵⁶ И опять Мэршу было телеграфно предписано руководством Гаранти траст заботиться прежде всего о деле Ашберга. Отчетливо формулируя сущность синдикатского соглашения, отнюдь не уничтожившего противоречий между его участниками, руководство Гаранти траст телеграфировало своему представителю: «Мы заинтересованы в кредите Ашберга вместе с Сити бэнк, а также стараемся провести большой заем и ждем от вас, что вы полностью будете сотрудничать с Мезервом в этом отношении, *но ничто не должно помешать совершению кредита Ашберга по возможности скорее*, и мы имеем положительное уверение Сити бэнк насчет его сотрудничества».⁵⁷ Чего на самом деле стоило «сотрудничество» обеих монополий, видно из намерения Гаранти траст после совершения операции Ашберга просто-напросто отозвать Мэрша из России, отнюдь не оставляя его там с целью «помочь Мезерву в завершении большого займа».⁵⁸

Но как бы то ни было, теперь, после того как Министерство финансов связало проведение обеих операций воедино, идти к Барку без твердых предложений относительно большого займа было невозможно. Мэрш понимал это не хуже, чем Мезерв, и даже считал в тот момент нужным проявить в этом инициативу.⁵⁹ И Барку со ссылкой на его требование были предъявлены выработанные синдикатом условия, в основном совпадающие с пожеланиями Министерства финансов.⁶⁰ При этом оба американца делали вид, что не понимают позиции Барка, и продолжали требовать срочного совершения операции Ашберга. Что на самом деле они прекрасно это понимали, видно и из тревожного письма к Барку от 25 января/7 февраля, составленного, по видимому, русскими банками,⁶¹ и из телеграммы самого Мэрша руководителям Гаранти траст Сэбину и Мэрфи от 3/16 февраля.⁶² Единство действий между Мэршем и Мезервом длилось недолго. Позиция Барка, связавшего обе операции, лишь способствовала его прекращению. Прошло всего несколько дней после совместного демарша, а Мэрш уже жаловался своим патронам, что Мезерв от имени Сити бэнк ухудшает условия большого займа и тем мешает операции Ашберга. Он даже винил Мезерва в том,

⁵⁶ Мэрш и Мезерв — Никифорову, 18/31 января 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 112—113.

⁵⁷ Телеграмма Гаранти траст компании Мэршу, 20 января/2 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 116 (курсив наш, — Р. Г.).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Мэрш — Мезерву, не позже 28 января/10 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 373.

⁶⁰ Мезерв и Мэрш — Барку и Никифорову, 28 января/10 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 119—120.

⁶¹ Там же, лл. 117—118. — Машинописный экземпляр на английском языке не подписан.

⁶² ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 122.

что Барк связал обе операции («Мезерв целиком ответствен за это»).⁶³

Сити бэяк, действительно, сейчас же начал ухудшать свои условия. Сначала было предъявлено требование о том, чтобы полагающиеся синдикату обязательства были выданы не от каждого железнодорожного общества в отдельности, а от всех обществ, участвующих в займе, с их взаимной ответственностью и за подписью русского посла в Вашингтоне. Вместо свидетельств от своего собственного имени, о которых шла речь ранее, синдикат предполагал теперь непосредственно выпустить на рынок русские обязательства, которые требовались ему для этой цели в самых разнообразных купюрах, вплоть до самых мелких. На депонируемых в качестве дополнительного обеспечения облигациях синдикат требовал надписи о том, что они обеспечиваются всем имуществом и состоянием дороги наравне с облигациями предыдущих выпусков, а не вслед за ними, как это обычно указывалось.⁶⁴

Не отклоняя в принципе и этого нового предложения, Министерство финансов возражало против требований о взаимном поручительстве железнодорожных обществ и о выпуске обязательств на рынок. В представлении Комитету финансов Барк мотивировал свое возражение тем, что в таком случае оказались бы выпущенными на один и тот же предмет двойные обязательства, что противоречит-де русским законам. Впрочем, Барк видел способ это обойти. Он имел в виду выработать такие формы параллельных обязательств, которые исключали бы возможность взыскания процентов и капитала в двойном размере. При этом условии он предполагал получить необходимое для соответствующего изменения основных положений уставов железнодорожных обществ согласие Второго департамента Государственного совета. В том, что общие собрания акционеров этих обществ утвердят изменения в своих уставах, Барк, по-видимому, ничуть не сомневался. Аналогичного утверждения требовало установление особой правительственной гарантии своевременной уплаты капитала по обязательствам железнодорожных обществ (помимо гарантии процентов), поскольку было совершенно очевидно, что сами общества не смогут через три года погасить кредиты, использовать которые предполагалось на долгосрочные сооружения.

Проведение этих законодательных мер — при всей их необычности — Министерство финансов считало, видимо, вполне возможным. Во всяком случае на таких именно основаниях оно продолжало переговоры с американцами. Дело шло, казалось бы, на лад. Синдикат принял русское предложение о тексте облигаций

⁶³ Там же.

⁶⁴ Представление Барка Комитету финансов, 10/23 марта 1916 г. ЦГА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

(«обеспечиваются всем состоянием и имуществом общества» без слов «наравне с предыдущими выпусками», которых требовал синдикат, но с исключением обычного: «вслед за предыдущими выпусками»),⁶⁵ согласился с пожеланием Министерства финансов об увеличении срока конверсионного займа (буде он состоится!) с 25 до 60 лет. Но вдруг с американской стороны последовало требование о полном изменении ее же собственных предложений. Сумма займа не должна была теперь превышать 50 млн долларов, был повышен размер дополнительного обеспечения (125 вместо 120% открываемого кредита). Изменены были и другие условия. Синдикат предлагал на выбор: либо через три года заем мог быть конвертирован по желанию синдиката в 5½-процентные обязательства Государственного казначейства с десятилетним сроком погашения, либо синдикат получает опцион на право конверсии трехлетних обязательств в семилетние по паритету, но из 6% годовых.

Совершенно очевидно, что измененные предложения синдиката в их окончательном виде совершенно не соответствовали тем целям, которые преследовало, хлопоча об американском займе, Министерство финансов (вспомним, например, как формулировал эти цели в письме Гиацинтову Никифоров). Ведь новые американские условия не только наполовину уменьшали сумму кредита, но и закрывали в сущности какие бы то ни было перспективы на долгосрочное кредитование России в Америке. О закреплении же за Россией американского денежного рынка — а в письме Никифорова ставился вопрос именно об этом — конечно, и речи быть не могло при таком начале дела. Это выглядело тем досаднее, что как раз в эти дни прибыла телеграмма посла в Вашингтоне Ю. Бахметева о том, что Морган, Сити бэнк и Гаранти траст предлагают свои услуги для реализации в США русского внутреннего займа, но только после совершения русской финансовой операции в США.⁶⁶

Что же оставалось теперь делать Кредитной канцелярии Министерства финансов, кроме как усилить игру на противоречиях между двумя американскими кредитными учреждениями, тем более что противоречия эти развивались и сами по себе? До уменьшения руководством Сити бэнк предлагаемой суммы большого займа Мэрри требовал от правления Гаранти траст, чтобы Сити бэнк прекратил ухудшать свои условия, и жаловался в Нью-Йорк на Мезерва («действует преимущественно в пользу большого

⁶⁵ Чтобы склонить руководство синдиката согласиться на это, Мэрри 3/16 февраля 1916 г. предложил Мезерву проект телеграммы в Нью-Йорк, в котором объяснялось, что синдикат и без того получает в свои руки закладные на все имущество дорог, участвующих в займе (ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 372).

⁶⁶ Телеграмма Ю. Бахметева, 15/28 февраля 1916 г. АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 37.

займа, не очень-то помогая кредиту Ашберга»). Он все еще сотовал на то, что хоть кредит Ашберга и «представляется весьма обещающим», но совершение операции «ожидает достижения договоренности о принципах большого займа».⁶⁷ Новые, вовсе ухудшенные условия Сити банк, естественно, поколебали положение Мезерва в Петрограде и повысили шансы Мэрша и Ашберга: Еще в начале февраля (ст. ст.), как раз после того как Барк отказался от проведения операции Ашберга до соглашения о большом займе, Ашбергу отказывались продлить право жительства в Петрограде как лицу иудейского вероисповедания, полицейский пристав выселял его из гостиницы, требуя, чтобы он покинул Россию,⁶⁸ а русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов, хлопотавший за Ашберга, находясь в Петрограде, передавал от него Барку почти робкую просьбу: «Г. Ашеберг желал бы иметь указания Министерства финансов, чего он должен стараться достичь и какие предложения американских банков могут почитаться Министерством приемлемыми».⁶⁹ А уже 23 февраля (ст. ст.), как это видно из письма Русско-Азиатского банка в кредитную канцелярию, условия кредита Ашберга считались русской стороной принятыми.⁷⁰

Условия эти, разработанные еще в 1915 г. в проекте договора между Гаранти траст компани и 7 крупнейшими русскими банками,⁷¹ ясно показывают, что, выдвигая их, Гаранти траст стремилась, елико возможно, подменить своим кредитом большой заем, и Мэрш, который, как мы увидим, уверял Мезерва, что принятие кредита Ашберга не только не повредит, но и поспособствует совершению большого займа, по меньшей мере кривил душой. Гаранти траст соглашалась акцептовать выставленные на нее русскими банками тратты на 30 млн долларов. Девяностодневные тратты могли быть пятикратно возобновляемы, так что общий срок кредита составлял полтора года. Кредит стоил бы русскому правительству 7% (5% годовых по траттам плюс 1/2% комиссии с каждой тратты). В качестве дополнительного обеспечения банки должны были представить Гаранти траст 4 1/2-процентные облигации железнодорожных обществ с таким

⁶⁷ Телеграмма Мэрша Гаранти траст компани, 12/25 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 124.

⁶⁸ Директор Русско-Азиатского банка Герценберг — посланнику в Швеции А. В. Неклюдову, 16 февраля 1916 г. (ст. ст.). ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 389, лл. 231—233.

⁶⁹ Записка секретаря Барка Дюшена, не ранее 16 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 389, л. 234. — Неклюдов сообщил также, что «по мнению Ашберга американские банки охотно идут навстречу реализации русского займа». Нам представляется, что смиренная поза агента русского правительства, выполняющего поручения Министерства финансов, которую принял в этом эпизоде Ашберг, в значительной мере соответствовала его действительной роли.

⁷⁰ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 126.

⁷¹ Там же, лл. 90—111; ф. 616, оп. 5, д. 391, лл. 2—13.

расчетом, чтобы 82% их номинальной стоимости равнялись сумме трат. Русское правительство должно было гарантировать не только уплату капитала и процентов по этим облигациям, но и все соглашение в целом. Гаранти траст получала опцион на увеличение суммы кредита до 60 млн долларов, для чего могла образовать в США свой синдикат. Вся долларовая выручка поступала русскому правительству и могла быть израсходована лишь на оплату заказов и закупок, производимых в Америке через Ашберга.

Осуществление операции Ашберга требовало с русской стороны проведения некоторых подготовительных мероприятий. Ведь ее участниками должны были стать, кроме Министерства финансов, не только железнодорожные общества, но и частные коммерческие банки, официально выступавшие в качестве заемщиков, и при всем том на самом деле операция должна была совершаться за счет Министерства финансов. Банки кредитовали бы железнодорожные общества в рублях, получив для этого средства в Государственном банке. Железнодорожные общества предоставили бы для передачи Гаранти траст свои обязательства, считая их по 66%-й номинальной стоимости. По истечении полутора лет Министерство финансов должно было предоставить банкам необходимые суммы в долларах в Америке на покрытие трат, и банки вернули бы тогда взятые в Государственном банке суммы в рублях (курс был около двух рублей за доллар). На случай, если бы железнодорожные общества не смогли бы погасить своей задолженности банкам по открытым им для осуществления операции Ашберга кредитам, Министерство финансов обязывалось открыть банкам специальный кредит на соответствующую сумму. Обо всем этом была достигнута полная и точная договоренность, банки безоговорочно следовали предначертаниям Министерства финансов, система российского государственно-монополистического капитализма готова была безотказно сработать и на этот раз. Свидетельства тому проект официального письма банков — участников операции — Министерству финансов и приложенный к нему проект условий открытия кредитов обществам железных дорог.⁷²

Есть, впрочем, еще один источник, освещающий историю совсем было уже сконструированной операции Ашберга с несколько неожиданной, казалось бы, стороны. Мы имеем в виду показания, данные в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства пресловутым А. Д. Протопоповым. Описывая обстоятельства своего знакомства с известным банкиром-распутинцем Д. Л. Рубинштейном, Протопопов заявил, что знакомство это состоялось на заседании банкиров, которое было создано им, Протопоповым, «для проведения при их посредстве

⁷² Там же.

русского займа в Америке», и тут же стал излагать условия кредита Ашберга (сам Ашберг, по его словам, «был указан Барком»).⁷³ Проект этой операции Протопопов поставил в связь с финансовыми нуждами железнодорожных обществ, лишившихся в связи с войной ежегодных французских кредитов в 500 млн франков, обусловленных на пять лет в 1913 г. соглашением Коковцова с французскими банкирами.⁷⁴ Такая постановка вопроса Протопоповым была вполне обоснованной, поскольку, как мы видели, в сущности все проекты финансовых операций в США либо связывались Министерством финансов с действительными потребностями железнодорожного хозяйства, либо намечались к осуществлению в форме железнодорожных займов как наиболее приемлемой и широко применявшейся в практике русского государственного кредитования за границей (чаще всего это, разумеется, совпадало).

Вообще, хотя Протопопов часто жаловался в показаниях на свою память, он довольно точно и полно, правда без дат и почти без всяких хронологических признаков, изложил сущность дела, чем косвенно подтвердил свое в нем участие. Но почему именно он оказался в роли промотора «операции Ашберга», созвал для ее осуществления совещание банкиров и сам на нем председательствовал, как это видно из его показания 1917 г.? Неужели Министерство финансов не могло почему-то на сей раз обойтись обычными способами, которыми оно приводило в движение систему частных коммерческих банков всегда, когда это ему требовалось? Возможность ответа на этот вопрос находим в указании Протопопова о том, что он действовал по «поручению совещания по обороне постараться добыть американскую валюту без посредства Англии».⁷⁵ Конечно, и Министерство финансов во всех своих предыдущих действиях преследовало ту же самую цель — иметь в Америке источник средств, независимый от Англии. Но если при этом имелось в виду лишь получение большей свободы финансовых маневров внутри Антанты, то в устах Протопопова те же слова имели иной смысл, хотя сам он вряд ли хотел его вложить в свои показания Следственной комиссии.

Смысл поручения, которое получил Протопопов, состоял в том, чтобы открыть для царизма пусть пока и не обильный, но зато перспективный, а главное нейтральный, а потому постоянный источник кредитования, такой, который не зависел бы от коле-

⁷³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. IV. М.—Л., 1927, стр. 32. — Между прочим, Протопопов заявил: «Предполагалась возможность провести заем в сумме 60 млн долл. Позже я слышал от Путилова, что для начала заем может быть сделан лишь в сумме 10 млн долл.»

⁷⁴ Падение царского режима..., т. IV, стр. 49.

⁷⁵ Там же, стр. 32.

баний военно-политической линии царизма, от его усилий в войне, от возможных превратностей во внутриантантовских отношениях и вообще давал бы царизму некоторую возможность уже не только финансовую, но и внешнеполитического маневрирования, причем не обязательно в пределах Антанты.

И хотя действовал Протопопов по поручению совещания по обороне, стоял за этим поручением скорее всего царскосельский дворец, точнее говоря его «дамская половина» (как выразился Протопопов по другому поводу), где распутинцы, одержавшие в январе большую свою победу — назначение премьером Б. В. Штюрмера, продолжали если не хлопотать, то по крайней мере мечтать о мире для спасения монархии. И, может быть, поспыки нейтральных денежных рынков представляли собой те единственные шаги, которые они могли делать на этом пути беспрепятственно и всерьез.

То обстоятельство, что именно совещание банкиров о кредите Ашберга послужило поводом и местом для знакомства Протопопова с Рубинштейном, также придает всей этой ситуации совершенно определенный колорит.

Что касается Рубинштейна, наиболее преуспевшего из числа льнувших к Распутину банковских дельцов, то он сам, его влияние и его предполагаемые германские связи были «притчей во языцех». Арест его военными властями летом 1916 г. по обвинению в связях с германским капиталом никого не удивил, как, впрочем, и освобождение усилиями Александры Федоровны и Распутина.

Иное дело Протопопов. Потом, возглавив Министерство внутренних дел, он стал одной из самых мрачных фигур последнего часа русского самодержавия. А пока, на путях к министерскому креслу, он был фигурой уникальной и обманчивой. Его не видно было ни в толпе сновавших вокруг трона распутинско-банковских людишек, ни среди причастных к распутинщине государственных мужей. Наоборот, товарищ председателя Думы, он вместе со своей партией октябристов входил в прогрессивный блок и пользовался в думских и, в частности, в буржуазных думских кругах заметным влиянием. И в Думе, и в Совещании по обороне, в которое он входил, он неизменно занимал умеренную, центральную позицию. Это-то и помогало ему быть своим человеком и в думском лагере, и в придворном. Крупнейший фабрикант-сукогонщик России, в марте 1916 г. он стал председателем Совета съездов металлообрабатывающей промышленности, в который входили А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. В этом была своя закономерность: не только металлозаводчикам понадобилась думская фигура в председатели, но и Протопопову полезны были связи с петроградскими монополистическими магнатами, которые, не в пример крикливым представителям буржуазной общественности, старались во всех случаях ладить с царизмом, делая перед

буржуазными коллегами вид, что они высокомерно пренебрегают «политикой». Протопопова рекомендовал царю в министры и Родзянко, но мало кто знал, что Распутин, Бадмаев и пресловутый генерал Курлов уже давно готовили почву для этого назначения, видя в Протопопове своего человека, который станет спастись самодержавие по разработанной ими программе.

Вот почему проводимое именно Протопоповым совещание банкиров для осуществления кредита Ашберга могло иметь особый смысл.

Теперь настал, пожалуй, момент сообщить, что русский посланник в Швеции Неклюдов, который вместе с путиловским Русско-Азиатским банком усиленно «насаждал» Ашберга в Петрограде, пользовался в Стокгольме особой популярностью в прогерманских кругах⁷⁶ и был уже причастен к контактам с немцами,⁷⁷ а также высказать подозрение насчет того, что попытка высылки Ашберга из Петербурга имела причины более глубокие, нежели чисто паспортные, и была до некоторой степени аналогична делу Рубинштейна. Подозрение это представляется тем более обоснованным, что Ашберг, как он сам пишет в своих воспоминаниях, благодаря связям с пограничной службой, которые были налажены для него его петроградскими друзьями, мог без досмотра переправлять любые бумаги из России и в Россию, а возглавлявшийся Ашбергом стокгольмский Новый банк сбывал немцам русскую валюту.⁷⁸

Что в Петрограде явственно ощущали нейтрально-германофильский душок, исходивший от американцев, были весьма к нему чувствительны, хотя и относились по-разному — об этом свидетельствуют, в частности, записи в дневнике американского посла Мари. Впервые американской дипломатии пришлось столкнуться с возможностью неодобрительной реакции в России на германо-американские связи еще в самом начале войны, когда США взяли на себя представительство германских и австрийских интересов в России и как бы в связи с этим после двухлетнего отсутствия туда срочно отправился американский посол.⁷⁹ В дальнейшем Мари жаловался в своем дневнике на трудности, создаваемые для него в Петрограде посредническими демаршами президента Вильсона.⁸⁰ Но наряду с этим он писал о «влиятель-

⁷⁶ Это отметил, проезжая через Стокгольм в сентябре 1914 г., американский посол в России Мари (G. T. M a r y e. *Nearing the end in imperial Russia*, стр. 31).

⁷⁷ См. телеграммы А. В. Неклюдова С. Д. Сазонову от 7/20 июля, 15/28 июля и письмо от 18/31 июля 1915 г. Константинополь и проливы. По секретным документам бывш. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова, т. II. М., 1926, стр. 375—379.

⁷⁸ O. A s c h b e r g. *En vandrande Jude från Glasbruksgatan*, стр. 116.

⁷⁹ G. T. M a r y e. *Nearing the end in imperial Russia*, стр. 17—21.

⁸⁰ Так, 8 сентября 1915 г. он писал об отрицательной реакции в Петрограде на американские демарши, принимавшей несколько причудливую

ных русских», действующих в пользу сепаратного мира.⁸¹ В феврале 1916 г. госдепартамент неожиданно отозвал из Петрограда наиболее опытного и влиятельного из чинов американского посольства Чарльза Вильсона. Все сходились во мнении, что причина этого — проантантовская позиция Вильсона. Великая княжна Мария Павловна заявляла, что Вильсона заменит «друг, а возможно, агент Германии», и передавала якобы сказанные ей слова самого царя о том, что госдепартамент убрал Вильсона «по приказу из Берлина» и вообще-де политика США в целом благоприятна Германии.⁸² Но Мария Павловна была на первых ролях в антираспутинской великокняжеской партии. Тесно связанная с союзными послами, впоследствии она оказалась чуть ли не заговорщицей, и как раз то, что возмущало ее в политике США, делало американский денежный рынок особенно ценным для сторонников финансовой и иной «эмансипации» от союзников по Антанте.

14 марта (ст. ст.) предстояло заседание Комитета финансов для рассмотрения неоднократно нами упоминавшегося представления Барка «О совершении кредитных операций в Америке». Представителям американских банков в Петрограде содержание представления, а следовательно и подлинная точка зрения и истинные намерения Барка, естественно, не были известны. Мэрш считал кредит Ашберга решенным делом, большим же займом интересовался лишь постольку, поскольку боялся, что в хлопотах о нем Мезерв тем или иным способом сорвет операцию Гаранти траст компании. Мезерв в свою очередь, хоть он и оптимистически смотрел на перспективы большого займа, был, действительно, не прочь при случае повредить делу Мэрша и Ашберга. В наиболее ответственные моменты переговоров они старались попросту не отходить друг от друга, посещая вдвоем не только кредитную канцелярию, но и русские банки.⁸³ За несколько дней до заседания Комитета финансов, когда Мэрш уже наслаждался уверенностью, что соглашение о кредите Ашберга накануне заключения, а большой заем — дело неопределенного будущего, он получил от Мезерва копию документа, уже отправленного тем Барку. Документ этот вызвал у Мэрша серьезное беспокойство, которое он с трудом скрывал в написанном сейчас же письме Мезерву (встречаясь чуть ли не ежедневно, они тем не менее прибегли теперь к официальной переписке). «Я бы предложил — и должен настаивать на этом, — чтобы впредь Вы заранее представляли на мое рассмотрение все заявления, устные или письменные, ко-

форму запоздалого недовольства Портсмутским миром, ссылаясь на появившуюся в этот день в «Новом времени» антиамериканскую статью (G. T. M a g u e. Nearing the end in imperial Russia, стр. 238).

⁸¹ G. T. M a g u e. Nearing the end in imperial Russia, стр. 413.

⁸² Там же, стр. 462—463.

⁸³ См.: Мэрш — Мезерву, б. д. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 370.

торые Вы предполагаете сделать относительно кредита Ашберга, — писал Мэрш. — ... Я очень надеюсь на заключение этого соглашения в течение ближайших десяти дней... То, что я узнал, не оставляет, однако, сомнений, что и Ваш заем также будет принят...»⁸⁴ Не говоря уже о том, что внутрисиндикатские противоречия предстают здесь перед нами безо всякого флера (когда представитель одного из банков, входящих в созданный для осуществления займа синдикат, обращаясь к представителю другого банка, постоянно употребляет выражение «Ваш заем»), в письме весьма полно отразилась уверенность как Мэрша, так и Мезерва в своем успехе и затаенная надежда каждого из них на провал партнера. Не в беседах ли с чинами Кредитной канцелярии черпали они оба свою уверенность и свои надежды? И не на этот ли именно «конфиденциальный источник» ссылался Мэрш, когда жаловался в Нью-Йорк на то, что Мезерв и Сити бэнк ухудшением своих условий большого займа «нервируют правительство».⁸⁵

Успокоительные заверения Мэрша, который утверждал, что заключение соглашения о кредите Ашберга приблизит успех большого займа, вероятно, звучали для Мезерва если не лицемерно, то весьма наивно. Он-то сам исходил ведь из того, что Барк предпочитает большой заем, поэтому он и не постеснялся, по-видимому, «вызвать путаницу в уме министра» насчет кредита Ашберга, в чем обвинял его Мэрш. Мезерв был так уверен в своем успехе, что 8/21 марта, через два дня после письма Мэрша, отправил Вандерлипу письмо, в котором рекомендовал в случае совершения операции открытие в Петрограде отделения Нэйшнл сити бэнк.⁸⁶ И если уж говорить о наивности, то на самом деле Мезерв выглядел еще наивнее, чем должен был ему казаться Мэрш: в представлении Барка Комитету финансов, без сомнения уже заготовленном к тому сроку Кредитной канцелярией, условия большого займа признавались неприемлемыми.

В этом представлении от 10/23 марта в соответствии с известной нам уже точкой зрения Министерства финансов указывалось, что заем этот «представляет известный интерес в качестве операции подготовительной, имеющей целью завязать отношения с американским денежным рынком». В содержавшейся в представлении «характеристике американского рынка» отмечалась склонность американской буржуазной «публики, воспитанной на акциях с их хотя и неустойчивым, но зачастую крупным доходом», к «дивидендным ценностям» и игнорирование ею «твердо-процентных бумаг». В качестве другого препятствия к проведе-

⁸⁴ Мэрш — Мезерву, 6/19 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 371—371 об.

⁸⁵ Телеграмма Мэрша — Сэбину и Мэрфи, 3/16 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 122.

⁸⁶ ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 114—117.

нию в США кредитных операций широкого масштаба отмечалась большая заграничная задолженность Америки («при таких условиях экспорт собственных капиталов производится с особой осторожностью»). Анализируя довоенный вывоз капитала из США, авторы представления делали не лишнее интереса в устах чиновников русской Кредитной канцелярии замечание о том, что этот вывоз был обусловлен не столько избытком капитала, сколько политическими причинами экспансионистского характера, т. е., иными словами, служил средством для проведения захватнической политики. «Если не считать временных покупок английских и японских фондов, вызванных политическими симпатиями, Америка помещала свои капиталы лишь в предприятия соседних с нею стран, стремясь создать себе на этой почве расширение сферы своего экономического влияния», — указывалось в подписанном Барком документе. А он, служивший при Витте председателем правления Учетно-ссудного банка Персии, хорошо знал толк в таких вещах!

Далее следовало указание на то, что Россия как сфера экономического влияния до войны представляла собой для американского капитала «малый интерес» и не пользовалась «симпатией» среди американских капиталистов из-за еврейского вопроса.

Война, говорилось в представлении, при том, что она создала для Америки «блестящую экономическую конъюнктуру», отразилась на условиях американского денежного рынка лишь «в некоторой степени». Колоссальный рост товарного экспорта, казалось бы, давал большие возможности для вывоза капитала, но в действительности этого не получалось из-за массовой продажи в Нью-Йорке американских ценных бумаг, находившихся в европейских руках.

Вывод из «характеристики американского рынка», сделанный в связи с намеченной целью завязать с этим рынком отношения, гласил: «Хотя... возможность размещения миллиардных займов не имеет реальных оснований, тем не менее при известных благоприятных обстоятельствах и военных успехах совершение кредитных операций в более скромной сумме 200—300 млн долларов представляется, вероятно, осуществимым. Если означенные операции удались бы, то при громадных платежах по военным заказам, исчисляемым в сумме около 1500 млн руб., это отразилось бы на соответственном сокращении размеров вынужденного для нас вывоза золота, между тем как отказ от предложения синдиката может затруднить в будущем совершение кредитных операций на американском рынке».

И «тем не менее» последний, пятидесятимиллионный, вариант условий большого займа Барк признавал «неприемлемым». Он приводил этому три причины: незначительность суммы, невыгодность условий — дороговизну «при отсутствии для синдиката обязательной консолидации в долгосрочный заем», а также

необходимость гарантии правительства в уплате капитала, вследствие чего через три года казне неминуемо пришлось бы приобрести облигации железнодорожных обществ, «хотя бы за счет — сберегательных касс».

Но была и четвертая причина, не названная Барком в представлении, но высказанная на заседании Комитета финансов — сентябрьское (1915 г.) финансовое соглашение с Англией, которым «в значительной степени», как указывалось в журнале заседания, обеспечивались все платежи по русским военным заказам в США. Эта оценка отнюдь не носила, как может на первый взгляд показаться, оптимистический по отношению к английским кредитам характер. А. Л. Сидоров в своей книге «Финансовое положение России в годы первой мировой войны» обстоятельно показал тягостные для России стороны этого финансового соглашения. Через четыре дня после заседания Комитета финансов об американских кредитах Совет министров 18 марта (ст. ст.) обсуждал общий вопрос о кредитном обеспечении всех зарубежных заказов в целом. При этом, в частности, отмечалось, что передача заказов в США в счет английских кредитов «весьма затруднительна», так как английское правительство относится к размещению заказов за пределами Англии «до крайности ревниво».⁸⁷ Тем более настоятельной представлялась необходимость финансовой эмансипации от Англии в США, и потому наличие соглашения с Англией никак, казалось бы, не могло способствовать отклонению американских кредитов. Но была у этого дела еще одна сторона, которая, как нам представляется, его объясняет. Размещение русских заказов США, а главное их исполнение и доставка, как нам приходилось уже отмечать, сталкивались со значительными трудностями и независимо от кредитного вопроса. А для того объема заказов и поставок, в котором они реально осуществлялись, английских кредитов в сущности хватало. В этом-то и состоял смысл сказанного на заседании Комитета финансов. И потому в своих поисках независимых от Англии источников денег в Америке на будущее Барк, как это ни парадоксально выглядит, пытался пока опереться на финансовое соглашение с самой Англией.

Итак, условия большого займа Барк рекомендовал Комитету финансов отклонить. Что же касается кредита Ашберга, то Барк в своем представлении, как мы уже указывали, рекомендовал принять его.

Единственным источником сведений о ходе заседания Комитета, состоявшегося 14/27 марта, является для нас весьма краткий официальный журнал этого заседания.⁸⁸ В основных пунктах

⁸⁷ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 315.

⁸⁸ ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 1—3.

журнал этот повторяет представление Барка, хотя рекомендации его, как сейчас увидим, были Комитетом в их значительной части, казалось бы, отвергнуты. Журнал содержит слишком мало сведений, для того чтобы судить, каким образом это случилось, имелись ли в Комитете какие-либо разногласия.

Одно явственно видно из журнала, — что ход заседания направляла рука Барка. В обоснование стремления своего министерства к закреплению на американском рынке, несмотря на все связанные с этим трудности, Барк сказал на заседании несколько больше, чем было написано в его официальном представлении. Его позиция сводилась в сущности к тому, что именно для внедрения на американский рынок необходимо теперь проявить перед американцами твердость в вопросе об условиях займа вплоть до отказа от него.

При этом Барк давал понять, что отказ не обескуражит американцев, бояться прекращения с их стороны переговоров не следует. Ввиду экспансионистских планов и намерений американского капитала, «при наблюдающемся в последнее время в Америке все возрастающем интересе к России» нужно лишь торговаться. А возможности выжидать обеспечиваются английскими кредитами.

Здесь Барку подыграл Сазонов, которого он специально пригласил, испросив особым всеподданнейшим докладом разрешение на участие в заседании министра иностранных дел «для всестороннего освещения взаимоотношений России и Америки» (Сазонов не был членом Комитета финансов).⁸⁹ Как бы независимо от Барка и чуть ли не возражая ему (Барка можно было понять так, что он если не за разрыв, то за перерыв в переговорах), Сазонов заявил, что «по общеполитическим соображениям» переговоры с американскими банками надо продолжать «в целях завязать в дальнейшем более тесные экономические отношения с Америкой для использования нового денежного рынка, что в значительной степени освободило бы Россию от зависимости в области финансов от отдельных держав, хотя бы нам союзных».⁹⁰ Комитет финансов разделял точку зрения Сазонова и присоединился к его желанию, признав целесообразным продолжение переговоров с синдикатом американских банков о займе на сумму не менее 100 млн долларов. Признано было желательным курс реализации несколько повысить, а обеспечение долгосрочными железнодорожными облигациями понизить к номиналу долга.

В сущности это было возвращение к январским условиям Барка, на которых Министерство финансов продолжало настаивать.

⁸⁹ Там же, л. 11.

⁹⁰ Журнал заседания Комитета финансов, 14/20 марта 1816 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 1—3.

вать. А если иногда оно и проявляло перед американцами готовность несколько отступить от этих условий, то ведь не могло же оно всецело полагаться на английские кредиты на путях к предстоявшей вскоре межсоюзнической финансовой конференции. И, наоборот, именно в предвидении этой конференции продолжающиеся переговоры с американцами могли оказаться полезными. Так мог ответить Барк на упреки в известной уступчивости, к которым он всегда был очень чувствителен.

В общем относительно решения Комитета финансов по этому вопросу можно сказать, что Барку только того и надо было. Путь на американский денежный рынок лежал лишь через переговоры с синдикатом в лице Нэйшнл сити бэнк. Именно эти переговоры следовало, с точки зрения Барка, продолжать в первую очередь, и он располагал теперь на этот счет решением Комитета финансов, принятым к тому же не по его инициативе, а в поддержку мнения «чужого» министра. Отсюда и тот оборот, который приняло на заседании дело с кредитом Ашберга. В принципе, как будто бы одобрив кредит Ашберга в полном соответствии с представлением Барка, Комитет финансов «признал, однако, предпочтительным производить операцию Ашберга совместно с большим займом, так как эта операция в случае заключения ее отдельно от займа могла бы повредить не окончившимся еще переговорам». Это шло уже вразрез с рекомендацией Барка, но он, по-видимому, легко ею поступился, во всяком случае в журнале заседания нет никаких следов его возражений или несогласия. Да это и неудивительно: ведь Министерство финансов лишь продлило себе возможность играть на противоречиях между двумя американскими банковскими монополиями. Практический смысл сделанной Комитетом финансов оговорки в этом и состоял, хотя продиктована она была несомненным предпочтением, которое Комитет вслед за Барком отдавал операции Нэйшнл сити бэнк.

Сколько ни старались Мэрри и Мезерв обойти друг друга, ни одному из них сделать это не удалось, на сей раз их обошел Барк. Но тогда возникает вопрос, почему Барк в ходе предшествовавших переговоров дал Мэрри свое согласие на проведение операции Ашберга и теперь в представлении Комитету финансов ему оставалось лишь признаться в этом вместо того, чтобы уже в этом документе связать операцию Ашберга с большим займом, как это и сделал Комитет финансов? Как он вообще мог дать свое согласие без ведома Комитета финансов, да еще на операцию, осуществление которой требовало, как он сам признавал, изменений в законодательстве? Не было ли здесь «внеминистерских влияний» распутинско-дворцового происхождения, которые, как нам представляется, распространялись на вопрос о кредитовании в США и особенно на дело о кредите Ашберга? Может быть, не сумев тогда устоять перед ними, Барк, обладавший репутацией англофила, теперь позвал себе на помощь Са-

зона, пользовавшегося той же репутацией (не распутинским ли кругам оба они были ею обязаны?), и в результате заседания спрятался за решение Комитета финансов?

Пресловутое англофильство Барка и Сазонова имело в этом случае лишь тот смысл, что в отличие от тех представителей дворцовых кругов, которые финансовую опору на США могли рассматривать как шаг на пути к возможному выходу из Антанты, — они, Барк и Сазонов, вкладывали в формулу Сазонова «общеполитические соображения» иной смысл — открытием для России нового денежного рынка укрепить ее положение в Антанте.

Что забота об успехе большого займа не оставляла Барка буквально ни на минуту, видно, в частности, из того, что в самый день заседания Комитета финансов он послал Мезерва к председателю Азовско-Донского банка Б. А. Каменке за новым вариантом условий.⁹¹ Поскольку Каменка вместе с Путиловым был одним из руководителей банковской группы в предполагавшейся операции Ашберга, можно предположить, что Барк, не рассчитывая еще на решение Комитета финансов об одновременности обеих операций, пытался пустить Мезерва по следу Мэрша и Ашберга и тем затруднить их положение.

Наутро после заседания Барк сам позвонил по телефону Мезерву и немедленно пригласил его к себе. Свидание их по случайной причине не состоялось, и Барк дал знать Мезерву, чтобы он отправился к директору Кредитной канцелярии Никифорову. Там Мезерв был принят двумя влиятельными чиновниками Тимковским и Новицким, от которых и узнал официально, что Комитетом финансов его условия отклонены. Одновременно ему было от имени Никифорова заявлено, что в качестве приемлемых могут рассматриваться лишь три формы кредитования: 1) предоставление кредита под обязательства Государственного казначейства, 2) покупка гарантированных русским правительством железнодорожных займов, 3) покупка краткосрочных обязательств частных железных дорог с дополнительным обеспечением облигациями железнодорожных займов в размере 145% к сумме займа при условии, чтобы Нэйшнл сити бэнк на основе русских ценностей выпустил на американский рынок обязательства от своего собственного имени.

На следующий день 16/29 марта Мезерв был с утра принят Барком. Он стал было излагать министру результаты своей встречи с Каменкой, но тот сейчас же заявил, что план Каменки теперь «невозможен». Тогда Мезерв упомянул о третьем из сделанных ему накануне предложений Никифорова. Барк, в ответ на это, просил Мезерва прислать к нему Никифорова для обсу-

⁹¹ Мезерв — Вандерлипу, 16/29 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 148—150.

ждения этого предложения так, как если бы впервые о нем слышал. Выйдя от Барка, Мезерв отправился в Кредитную канцелярию, где Тимковский и Новицкий вручили ему выработанный ими после консультации с Никифоровым текст телеграммы о согласии на немедленное осуществление займа на основе третьего варианта в размере 50 млн долларов, которую Мезерв мог отправить в Нью-Йорк от своего имени.⁹²

Мезерва заверили, что такой заем «совершенно приемлем». Никифоров заявил, что пойдет к Барку для того только, чтобы «посмотреть, нет ли в телеграмме каких-нибудь деталей», которые министр «пожелал бы изменить», и предложил Мезерву снова явиться во второй половине того же дня, чтобы самому проследить за отправкой телеграммы (Кредитная канцелярия брала это на себя). В ожидании Никифорова Мезерв беседовал с чинами Кредитной канцелярии, которые уверяли его, что «не может быть сомнений относительно принятия Барком нынешнего предложения, поскольку этот способ обычно употребляется здесь при кредитовании банками железнодорожных обществ, вследствие чего они все к нему привыкли». Тут же было подчеркнуто, что займы такого типа «исключительно надежны», так как дополнительное обеспечение в столь большом размере к сумме займа — 145% — заставляет железнодорожные общества погашать по истечении срока свои обязательства, если банки этого требуют. Эти соображения могли лишь еще больше раззадорить Мезерва, который, помимо чисто финансовой операции, должен был вновь увидеть здесь возможности для внедрения американского капитала в русское железнодорожное дело (а он всегда имел особый интерес к тому, чтобы связать операции с ценными бумагами русских железнодорожных обществ с непосредственным участием американских предпринимателей в железнодорожном строительстве в России).⁹³

Поставить свой нью-йоркский банк в смысле участия в русском железнодорожном деле на одну доску с русскими банками, роль которых в железнодорожном строительстве и вообще в железнодорожном хозяйстве не могла быть для Мезерва секретом, было очень заманчиво.

⁹² Там же.

⁹³ В январе, начиная новый тур переговоров с Министерством финансов, Мезерв получил письмо от только что вернувшегося из России Дж. Х. Робертса, совладельца чикагской железнодорожностроительной фирмы «Робертс бразерс рейлрод конструкторс» о его желании принять участие в железнодорожном строительстве в России вместе с Ф. Хольбруком, одним из партнеров фирмы Хольбрук, Кэбот и Роллинс. (ЦИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 476). Хольбрук на сей раз отправился в Петроград как представитель Американской международной корпорации. Еще осенью 1915 г. его фирма вела переговоры о строительстве новых линий Московско-Казанской дороги.

Но вот вернулся Никифоров, и вмиг лопнули все надежды Мезерва.

Правка, которую внес Барк в текст телеграммы, совершенно изменяла дело. Прежде всего Барк в соответствии с решением Комитета финансов требовал не 50, а 100 млн долларов.⁹⁴ Условие о выпуске обязательств железнодорожных обществ в крупных купюрах Барк дополнил и уточнил в том смысле, что каждое общество выдавало одну купюру на всю сумму своего обязательства. Попятно, что возможность продажи таких обязательств, к тому же запрещавшаяся специальным условием, исключалась совершенно. По-видимому, Барк, исходя из своей оценки американских экспансионистских планов, готов был дойти до крайности, каковой несомненно являлась предложенная им форма обязательств русских частных железных дорог, только чтобы предотвратить их свободное обращение в США.

Процент по этим обязательствам Барк понизил с $7\frac{1}{2}$ до 7, а размер обеспечения — со 145 до 125%, предложив на 100 млн займа облигаций дополнительного обеспечения лишь на 125 млн. Это последнее изменение — в вопросе о размере дополнительного обеспечения Мезерв объявил в письме Вандерлипу «роковым», поскольку Барк не желал распространить на американские банки те условия, на которых проводили аналогичные операции русские банки.⁹⁵ «Вы увидите, что изменения как раз таковы, чтобы сделать предложение невозможным», — разочарованно заключал Мезерв свое письмо Вандерлипу.⁹⁶

Он сам был совершенно убежден, что все дело ему сорвали англичане. В этом его неоднократно уверяли в Кредитной канцелярии, всякий раз нарочито подчеркивая, что Англия не только удовлетворяет текущие русские потребности в валюте, но и обещает после войны консолидировать получаемые ею краткосрочные обязательства.⁹⁷ Мезерв целиком принимал это на веру. «В марте Россия согласилась или была готова согласиться на требования нью-йоркских банкиров, — рассказывал он о своих злоключениях месяц спустя новому послу США в Петрограде Фрэнсису, — но затем отказалась это сделать, и единственное

⁹⁴ Непонятно, каким образом Никифоров и его сотрудники собирались ограничиться пятьюдесятью миллионами, если только это не было в какой-то момент санкционировано Барком; даже совершенно невероятное предположение о том, что они не знали решения Комитета финансов, в данном случае невозможно: они ведь сами сообщили о нем Мезерву.

⁹⁵ Позиция Барка в этом вопросе легко объяснима: ведь с русскими банками всегда можно было в крайнем случае поладить тем или иным «домашним способом», которых в распоряжении министра финансов был целый арсенал.

⁹⁶ Мезерв — Вандерлипу, 16/29 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 148—150.

⁹⁷ Мезерв — Вандерлипу, 6/19 апреля 1916 г., № 85. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 124.

объяснение этого изменения позиции — влияние Англии, которая хочет, чтобы все внешние сношения торгового или финансового характера, которые имеет Россия, шли через Лондон».⁹⁸

Конечно, именно английские кредиты, как мы это видели, дали возможность на заседании Комитета финансов отклонить ухудшенные американские условия, но Мезерв в своей оценке положения игнорировал то обстоятельство (или не знал о нем), что Комитет все же решил добиваться американского займа. Да и в действиях Барка в роковой для Мезерва день 16/29 марта ощущалось не столько английское влияние, сколько стремление добиться у Нейшил сити бэнк лучших условий.

Барку надо было обладать очень уж большой уверенностью в реальной заинтересованности американских банков в кредитовании России, в важном значении, которое придавали на Уолл-стрите связанным с этим замыслам, чтобы подвергать Мезерва столь сильным искушениям и испытаниям, не боясь при этом, что американцы вообще откажутся от своих русских планов. И министр, надо сказать, не ошибался. Развитие русско-американских отношений в 1916—1917 гг. подтвердило это.

⁹⁸ Фрэнсис — гос. секретарю, 2 мая 1916 г. The Lansing papers, v. 2, p. 311.